

18+

Алексей Митрофанов
Бульварное кольцо — 1

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Бульварное кольцо – 1.
Прогулки по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Бульварное кольцо – 1. Прогулки по старой Москве /
А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517838-1

Эта книга — исторический путеводитель по первой части Бульварного кольца, от храма Христа Спасителя до Большой Никитской улицы.

ISBN 978-5-00-517838-1

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Соймоновский проезд	6
Храм в память о храме	6
Московский адрес парижской эскадрильи	17
Театр для своих	19
Гоголевский бульвар	22
Бульвар интеллигентных хулиганов	22
Гимназию – в массы	27
Станция великого анархиста	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Бульварное кольцо – 1 Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2020

ISBN 978-5-0051-7838-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-7839-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прогулки по старой Москве

Бульварное кольцо. Часть I

Бульварное кольцо на самом деле никакое не кольцо. Это скорее подкова, образованная десятью бульварами, двумя проездами и несколькими площадями. Точно сосчитать количество площадей затруднительно. Вот, например, пересечение Бульварного кольца и Сретенки – это площадь или нет?

Впрочем, и вся Москва в своем прошлом, а тем более в настоящем не поддается четкому форматированию.

О бульварах же точно и образно выразился В. Одоевский: «Зачем существуют в Москве бульвары? Берем смелость поставить этот нескромный вопрос, один из многих бродящих по Московским улицам. Москва опоясана бульварами – от них не только украшение, но и важная польза. Когда иностранцы, смотря на план Москвы, видят это зеленое кольцо, мы с гордостью им толкуем, что вот как у нас; что у нас и зимой и летом, кругом города, могут ходить и хворые и здоровые, и старцы и дети, промежду деревьев и не боясь наезда экипажей. Так мы толкуем иностранцам в чужих краях, амбиции ради, но у себя дома надобно говорить про дело как оно есть, уже не амбиции, а правды ради. Есть у нас бульвары, действительно есть, и дорожка в них проделана, и обсажены деревьями, и даже подряжены за хорошие деньги люди, обязанные содержать эти бульвары в исправности».

То есть, бульвары – блажь, и существуют исключительно для красоты. Что ж, так оно и есть.

И еще одно необходимое пояснение. Многие достопримечательности, украшающие московское Бульварное кольцо, уже были описаны в книгах, посвященных радиальным улицам. С другой стороны, трудно обойти вниманием некоторые дома, расположенные в переулках по соседству. Поэтому название "Бульварное кольцо" условно. Так гораздо честнее, нежели помещать в разные книги одни и те же истории.

Соймоновский проезд

Храм в память о храме

Храм Христа Спасителя (Волхонка, 15) построен в 1881 году по проекту архитектора К. Тона. Впоследствии был снесен и восстановлен.

Соймоновский проезд недлинный – всего три с половиной сотни метров. Тем не менее, именно на него выходит юго-западный квартал храма Христа Спасителя. Не удивительно, что эта достопримечательность полностью занимает всю его правую сторону.

Мы уже писали о храме Христа Спасителя в книге «Прогулки по старой Москве. Пречистенка». Но это не повод обойти крупнейший из московских храмов своим вниманием в этом выпуске и не сказать о нем – хотя бы коротко. Нынешний храм Христа Спасителя является своего рода храмом, поставленным в память о храме. Первоначальный храм открыт был в память о победе над Наполеоном в 1812 году, однако при советской власти он был взорван, и восстановлен в преддверие празднования 850-летия Москвы как своего рода акт покаяния – во всех тех грехах, которые были совершены советской властью за всю историю ее существования.

Первоначально храм планировали возводить на Воробьевых горах. Но тот проект, созданный архитектором Александром Витбергом, реализован не был. Всплыли какие-то расстраты, поползли интриги – и в результате все закончилось ссылкой Витберга и приостановлением строительных работ.

Современный же нам храм, точнее говоря, его прообраз, выстроенный в 1881 году, был принят далеко не однозначно. Москвичам не понравилось, что были разрушены постройки Алексеевского монастыря, ранее стоявшего на этом месте, а сам монастырь перенесен далеко на северо-восток от московского центра. Подвергались сомнению и его внешние качества. В частности, Тарас Шевченко сравнивал его с «толстой купчихой в золотом повойнике», Александр Чаянов с тульским самоваром, Александр Герцен с «пятиглавыми судками с луковками вместо пробок». Говорили, что он холоден, параден, что подавляет собой московский пейзаж. Тем не менее, в скором времени к храму привыкли, и когда в 1931 году храм был взорван, эта акция воспринималась московской интеллигенцией как факт вандализма – в том числе по отношению к историческому прошлому города.

На месте храма Христа Спасителя планировалось выстроить громадный Дворец Советов, увенчанный статуей Ленина. Но с наступлением Великой Отечественной войны работы были приостановлены, а затем здесь появился бассейн под открытым небом «Москва», который существовал вплоть до девяностых годов прошлого века.

* * *

То, что храм обречен, стало понятно сразу после революции – чересчур уж бросался в глаза. Протоиерей А. Хотовицкий вспоминал: «Электрического освещения в соборе не было. С 1 января 1918 г. штатное содержание причта декретом СНК было упразднено. Храм был предоставлен самому себе. На помощь ему пришли частные благотворители, организовалось Братство храма Христа Спасителя. Горячий призыв к русским людям вызвал сердечный отклик. На воззвании Братства Святейший Патриарх написал: „Прошу русских православных людей прийти на помощь храму Христа Спасителя и призываю благословение на жертвователей. Патриарх Тихон“. За короткие часы своего существования (неполный 1918 год) Братство успело с помощью Божией собрать много членов, соорудить св. Голгофу в храме, устроить временное электрическое освещение и вообще окружить храм своею заботой и любовью.

Организовался народный церковный хор, читальня, ремонтируется ризница. Любовь братчиков и братчиц принесла к алтарю храма и к св. Плащанице цветы, перены, ароматы».

Причт был арестован в 1922 году – по доносу одного из обновленцев. Храм же взорвали в декабре 1931.

Инициатива сооружения громадного дворца принадлежала Кирову. Он говорил об этом еще в 1922 году: «Скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение (дело происходило в Большом театре – АМ.) Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие звуки „Интернационала“. Я думаю, скоро настанет время, когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединенных в наш Союз. Поэтому от имени рабочих я бы предложил нашему ЦИКу в ближайшее время заняться постройкой такого памятника, в котором смогли бы собираться представители труда. В этом здании, в этом дворце, который, по-моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должен найти все, что требуется для того, чтобы расширить свой горизонт».

Долгое время до строительства не доходили руки, но, наконец, дошли.

* * *

Проектов, кстати, было множество. Один из них принадлежал маститому Ле Корбюзье. Специальная книга, посвященная различным вариантам главного здания страны, комментировала его в таких словах: «Генплан Дворца Советов разрешен с четким выявлением всех главных групп помещений. Строго симметричное расположение основных и вспомогательных зал по отношению к продольной оси создает несколько искусственное впечатление.

Эскизы генплана, помеченные первый 6 октября и последний, восьмой, 22 ноября (1,5 месяца), указывают на постепенный отход от весьма сложных комбинаций отдельных элементов плана к наиболее упрощенному последнему варианту. При этом основные части – большой и малый залы, вспомогательные залы и административные помещения – по своему очертанию все время остаются без изменений и, по-видимому, не являются предметом длительных исканий. Эти вскрывает процесс творчества Корбюзье, идущего от частных к общему или, как он сам говорит в своей обширной объяснительной записке, «от сложности к синтезу». Этот подход не может обеспечить достаточной цельности и связности общего решения, что видим мы и у Корбюзье как в этом проекте, так и в его предшествующих крупных работах (дом Центросоюза, проект дворца Лиги Наций).

Говоря о генплане, следует указать, что линии застройки выходят за пределы отведенного участка. Оформление участка зелеными насаждениями оригинально. Открытый доступ к сооружению представляет правильный прием.

Большой зал на 15 000 чел. Принятый Корбюзье основной прием ввода всей людской массы в большой зал без лестниц по сплошной наклонной поверхности от входа до последнего ряда мест – самое блестящее предложение во всем проекте. В сущности, это единственное, что является на настоящем конкурсе ответом на массовое значение зала.

Пропускная способность, однако, не соответствует принятым у нас нормам. Лестницы для разгрузки недостаточны, неудачны по подходу к ним и по их сосредоточенному расположению сзади мест, Фойе (аванзал) широко задумано, но лишено естественного освещения. Сосредоточенный в одном месте ресторан на 14 000 чел. неудачен: тесен, с неудобным подступом, не освещен. Вспомогательные для него помещения с нашей точки зрения совершенно неудовлетворительны. Курительные темные.

Три главных артерии для прихода в большой зал всей людской массы при ширине от 4 до 18 м. достаточны едва лишь на половину всего количества публики. Расстояние наибо-

лее удаленных мест зала на 108 м. не обеспечивает ни видимости, ни слышимости без искусственных приспособлений и дополнительного оборудования.

Весьма значительным недостатком основного приема, который должен отразиться на впечатлении от зала для входящих, является загрузка публикой, все время идущей спиной к эстраде.

Самая ширина проходов, выигрышная при движении по ним потоков людских масс, становится отрицательным качеством для сидящих, разъединяемых промежутком шириной до 18 м. Наличие срединного прохода, разделяющего зал на две части, также не вполне целесообразно.

Прохождение демонстраций по наружным пандусам через эстраду должно создавать эффектное зрелище. Возможность прохождения демонстраций черед наружную террасу также очень выигрышный архитектурный прием.

Общая композиция главного зала оригинальна, места разбиты красиво, хотя вертикальный профиль зала, как нам кажется, недостаточно прорисован.

Малый зал на 5900 чел., разрешен аналогично большому, но помимо амфитеатра для делегатов имеет большой, сильно нависающий балкон для публики. Вспомогательные помещения без естественного освещения. Максимальное удаление зрителя от сцены – 67 м – очень велико. Эвакуация сообразно нашим нормам недостаточно обеспечена.

Залы на 500 и на 200 чел. сгруппированы около общего фойе, что следует признать удачным. Но для внешнего объема здания они невыгодны, внося излишнюю раздробленность композиции.

Группа административных помещений должна служить связью между двумя большими объемами».

Иными словами, проект вроде как привлекал внимание, но был далек от совершенства: «Для настоящего задания проект явился чрезмерно утилитарным. Тем не менее, по исключительной новизне и целесообразности общего решения большого зала и по приему прохождения демонстраций, этот проект представляет весьма большой интерес».

* * *

Возведение Дворца советов считалось стройкой номер один во всем СССР. Путеводители по городу советовали экскурсантам задержаться возле стройплощадки: «Мы видим площадку, где раньше было огромное, но безвкусное здание храма Христа-спасителя. Теперь здесь ведутся подготовительные работы для строительства грандиозного Дворца советов. Постановление о постройке в Москве Дворца советов было принято на I съезде советов Союза ССР в 1922 г. по докладу товарища Сталина и по предложению товарища Кирова. В результате конкурсов с участием лучших советских и зарубежных архитекторов и двух закрытых соревнований на лучший проект Дворца, за основу был принят проект, представленный архитектором Б. М. Иофаном. Окончательный проект разработан Б. М. Иофаном, академиком архитектуры В. А. Шуко и профессором архитектуры В. Г. Гельфрейх».

Агитпропаганда старалась всюю: «В былые годы в этом храме собирались помещики и купцы, чиновники и фабриканты, жандармы и проститутки, весь „цвет“ старого гнусного мира царских времен. Когда 9 января 1905 года в г. Ленинграде по приказу царского правительства были расстреляны сотни рабочих, в храме „христа-спасителя“ намекали в проповедях, что рабочие-де могли быть подкуплены японцами... Чем же объясняются в таком случае всякие слухи о „ценном искусстве“ в храме „христа-спасителя“, особенно распускаемые в дни сноса этого бывшего храма? Никакими нашептываниями не остановить соцстроительства. Им важна не церковь. Церквей еще много. Им важно использовать снос храма как повод к тому, чтобы больше вредить соцстроительству. Наше могучее строительство идет вперед и никакими заклинаниями его не задуть. Лакеи поповщины, всякие вредители большого и маленького

масштаба заинтересованы искривить нашу политику. Надо давать отпор выпадам на тему о разрушении исторических памятников».

Это не мешало несогласным с грядущей заменой писать и, более того, публиковать свои протесты, в том числе и стихотворные. Вот, например, стихотворение Н. В. Арнольда «Храм Христа Спасителя в Москве»:

Прощай, хранитель русской славы —
Великолепный храм Христа,
Наш великан золотоголовый,
Что над столицей блистал.

По гениальной мысли Тона
Ты был в величии простой.
Твоя гигантская корона
Горела солнцем над Москвой.

Храм, разумеется, снесли – плач стихотворцев не был для властей существенной аргументацией. Один из современников – М. Л. Пастернак – описывал, как проходил демонтаж этого сооружения – взрыв, как известно, прогремел не сразу: «Первое изменение в области храма не заставило себя долго ждать. Когда весь он оказался в окружении замкнувшейся ограды, мы увидели на золоте большого среднего купола, почти под самым яблоком креста, небольшой черный зияющий квадратик. В бинокль мы увидели открытый лаз; можно было разглядеть даже темные силуэты людишек, то подходивших к краю, то скрывавшихся внутри и в глубине купола. Можно было также разобрать, как людишки эти, привязанные канатами и сидевшие на досках, работали по разрезке, снятию и уборке золоченых листов, представлявших большую ценность; разговоры о золоте купола были, несомненно, преувеличены, но какое-то содержание чистого золота в медной обшивке наличествовало – снятые листы уносились бережно, через лаз, вовнутрь.

Работа шла четко и быстро. На следующее утро нас встретил уже не черный зияющий в золоте лаз, а целый пояс обнаженных ребер в паутине распорок и расколов.

День за днем остов большого купола, а заодно и других, малых куполов, своей кружевной ажурностью и небывалой легкостью рисунка стали спорить с темными, плотными кирпичными полусферами сводов, похожими на тубетейки. Сложный каркас куполов заканчивается теперь чернеющим железом остовов крестов, ранее бывших золотыми.

Видимое нами разрушение прекратилось. Все золото было снято и исчезло. Смотреть стало не на что, а облегченный вид верха – укором глядел, в свою очередь, на нас, точно мы своим любопытством усилили боль уничтожения.

Земля – теперь земля, а не купола храма – захватила все наше внимание. Новенькие, вероятно, только что окрашенные грузовые автомобили остановились вдоль тротуара, одеявшего Всехсвятский проезд от площади; три однотипных машины, кроме их нового и свежего вида, привлекли наш интерес еще и большой их мощностью. С одного из них скатили на землю катушку, подобную тем, на какие накручены кабели телефонов и электросетей. Другая, такая же, пока еще находилась в кузове другого автомобиля. Шоферы вышли из кабин и, покуривая, о чем-то спорили, показывая руками на стену храма. Катушки стали подталкивать к храму, и толщенный, белый, новый, как сами машины, мантийский канат, чуть ли не в руку толщиной, стал змеиться по земле вслед за уходящей катушкой. Потом с другой машины спустили на землю вторую катушку и стали так же разматывать другой канат, ложившийся рядом с первым. Такие манипуляции нас заинтриговали».

А готовились вот к чему: «Оба каната своими концами – для нас невидимо – были приторочены к большому черному кресту среднего купола храма. Когда все было подготовлено и к тем же канатам была закреплена одна из машин, шофер дал ей задний ход к стене храма, а затем – самый полный вперед. Машина, яростно взревев, ринулась к проезду, но, не дойдя до тротуара, задрожав и как бы брыкнув, вздернулась в воздух, схваченная, как тетивой, натянувшимся канатом. Задние колеса оторвались от земли, и вся система, связанная канатом, – на долю мгновения оказалась гипотенузой воображаемого треугольника, катетами которого стали – горизонталь земли и вертикаль стены храма. Немыслимая неожиданность была чудовищна; не успели мы и глазом моргнуть, как происшедшее приняло свой обычный вид – машина плотно стояла на всех четырех колесах на мостовой, канат, подрожав и попружинив, снова провис своей математической кривой, шофер, ошеломленный, вытирая пот со лба, вылез из кабины и стал проверять машину и крепление канатов.

Такого афронта никто, естественно, не ожидал; он напугал шофера. Все ждали падения креста. Он же стоял неведимый, непоколебимый, надменный и прямой, как ему полагалось.

После некоторого перекура и обычной в таких обстоятельствах взаимной перебранки, шоферы решили повторить акцию, усилив быстроту и натиск рывка и тем заставили крест все же свалиться...

Сколько искр посыпалось вокруг целыми каскадами, сколько лязга и скрежета раздавалось, покуда крест скользил, цепляясь за каждую зацепку ребер и переплета каркаса, все еще привязанный к автомобилям, отъезжающим к проезду; с каким дьявольским ударом, в столбе земли и пыли, упал и зарылся железный лом, никому уже более не интересный... До самого конца зрелище было драматического трагизма борьбы и умирания. Живая мощь была разбита и раздавлена холодной грубостью механизма; во всем увиденном читался невысказанный, но ясно чувствуемый исторический приговор всему прошлому – всем настоящим; прошлое лежало в пыли, в кусках разбитого, смятого и покоренного железа».

Зато поэты просоветские радовались сносу несказанно. В первую очередь, конечно, Демьян Бедный:

Снесем часовенку, бывало,
По всей Москве ду-ду! ду-ду!
Пророчат бабушки беду.
Теперь мы сносим – горя мало,
Какой собор на череду.
Скольких в Москве – без дальних споров —
Не досчитаешься соборов!
Дошло: дерзнул безбожный бич —
Христа-спасителя в кирпич!
Земля шатнулася от гула!
Москва и глазом не моргнула.
– «Дворец Советов» строят, вишь! —
Москву ничем не удивишь.

Андрей же Платонов весьма колоритно описал процесс устройства своего героя на строительство Дворца («Усомнившийся Макар»): «Макар счастливо вздохнул и почувствовал голод. Тогда он пошел к реке и увидел постройку неимоверного дома.

– Что здесь строят? – спросил он у прохожего.

– Вечный дом из железа, бетона, стали и светлого стекла! – ответил прохожий.

Макар решил туда наведаться, чтобы поработать на постройке и покушать.

В воротах стояла стража. Стражник спросил:

– Тебе чего, жлоб?

– Мне бы поработать чего-нибудь, а то я отощал, – заявил Макар.

– Чего ж ты будешь здесь работать, когда ты пришел без всякого талона? – грустно проговорил стражник.

Здесь подошел каменщик и заслушался Макара.

– Иди в наш барак к общему котлу, – там ребята тебя покормят, – помог Макару каменщик. – А поступить ты к нам сразу не можешь, ты живешь на воле, а стало быть – никто. Тебе надо сначала в союз рабочих записаться, сквозь классовый надзор пройти.

И Макар пошел в барак кушать из котла, чтобы поддержать в себе жизнь для дальнейшей лучшей судьбы».

Описание самих строительных работ было не менее колоритным: «На постройке того дома в Москве, который назвал встречный человек вечным, Макар ужился. Сначала он наелся черной и питательной каши в рабочем бараке, а потом пошел осматривать строительный труд. Действительно, земля была всюду поражена ямами, народ суетился, машины неизвестного названия забивали сваи в грунт. Бетонная каша самотеком шла по лоткам, и прочие трудовые события тоже происходили на глазах. Видно, что дом строился, хотя неизвестно для кого. Макар и не интересовался, что кому достанется, – он интересовался техникой как будущим благом для всех людей...

Макар обошел всю постройку и увидел, что работа идет быстро и благополучно».

Да, разумеется, все эти описания крайне фантазмагоричны. Но все равно – не больше, чем сама затея нечеловечески громадного дворца.

Уже упоминавшийся М. Пастернак описывал строительство гораздо более реалистично: «То тут, то там. в шахматном порядке раздавалось ритмическое и громкое уханье пневматических молотов, осаживающих высокие столбы свай. Несмотря на их внушительную высоту и большую толщину, они, казалось, легко и быстро уходили в грунт, точно забивали их не в землю, а в какой-то кисель. Число свай было огромно; поэтому, хотя каждую забивали быстро, все сваи забивали в течение более месяца. Когда сваи ушли в землю и уровень снелированной площадки еще несколько углубился, став как бы общим фундаментом под будущую постройку, постепенно начали грибами вырастать пирамиды опор – так называемые башмаки – под будущую конструкцию сооружения. Затем, с еще более размеренной постепенностью и не спеша, появлялись металлические торчки ребер и подкосов колоссального в будущем каркаса Дворца».

А пропагандист и краевед А. Логинов мечтал: «Когда над Москвой возникнут вечерние тени, алые отблески заката дольше всего задержатся на металлической статуи Ленина над Дворцом Советов.

И наутро горячие лучи еще невидимого с земли солнца окрасят пурпуром поднявшуюся в синюю высь скульптуру Ильича: он первым видит солнце.

С головокружительной высоты великий Ленин простирает руку над Москвой, над всей необъятной страной нашей.

И, может быть, в ту же минуту из рабочей комнаты в Кремле сюда будет обращен спокойный и мудрый взгляд Того, кому вверил Ленин исторические судьбы коммунизма».

Книга Анатолия Логинова «Наша Москва» – откуда, собственно, был взята эта цитата, вышла в 1947 году. Не остается сомнений в том, кого автор имел в виду в самом последнем абзаце.

Любопытна в этом смысле книга Лопатина и Романовского «Москва 1945 года», появившаяся в 1939 году. Он в ней пишет о Дворце Советов как о деле завершеном: «Экспресс, громыхая на рельсовых стыках, легко взял небольшой подъем – и вдруг за поворотом возникло бесконечное море огней. В самом центре этого огненного половодья, в высоте над миллионами

светящихся точек, различался туманный силуэт колоссальной человеческой фигуры. Гигантская рука статуя была простерта над мировым городом...

– Ленин, – прошептал Герасимов. – Дворец Советов!..

Подъехав к Дворцу Советов, Герасимов убедился, что в его распоряжении еще добрых полчаса. Он решил обойти вокруг Дворца.

Перед главным входом на небольшой высоте недвижно висели в воздухе два серебристых привязных аэростата. Между ними, подвешенный на толстых тросах, спускался громадный экран телевизора. Перед ним уже собралась многотысячная толпа москвичей. Они ждали. Вскоре на экране возникнет трибуна Большого зала, появятся знакомые лица вождей и радиорупоры разнесут над Москвой речи ораторов.

Иван Артемьевич шел дальше... На фасаде Дворца, окружая его со всех сторон, растянулась гигантская высеченная из гранита лента барельефов. Перед Герасимовым проходила история героической борьбы угнетенных всего мира за счастье человечества. Он видел колонны рабов, восставших против цезарского Рима под предводительством мужественного Спартака, толпы немецких крестьян, штурмующих мрачные замки феодалов, фигуру Ивана Болотникова, ведущего свою сермяжную рать на боярскую Москву, видел трагическую гибель Парижской коммуны и взятие Зимнего дворца...

За четверть часа до открытия съезда Иван Артемьевич через 38-й подъезд вошел во Дворец и поднялся на лифте-экспрессе.

Перед ним раскрылась бесконечная анфилада огромных фойе. Мрамор, цветы, картины, скульптура. В одном из фойе Герасимов долго стоял перед бронзовым бюстом своего старого друга, Героя социалистического труда, агронома Митрофана Федоровича Завьялова. Он пошел дальше. И не было конца нарядным, торжественным залам...

В каждом фойе был свой особенный, присущий только ему климат: знойный, сухой воздух казахских степей, аромат цветущих яблоневых садов Украины, смоляной запах хвойного вологодского леса и воздух залитого солнцем Черноморского побережья. Ивану Артемьевичу чудилось, будто он совершает сказочное путешествие по необъятным просторам своей страны.

В кулуарах Дворца толпились группы делегатов. Герасимов слышал обрывки разговоров.

У диаграммы нефтедобычи стояли нефтяники. Атакуемый делегатами Башкирии и Урала, молодой инженер-азербайджанец упорно пытался отстоять честь старого Баку перед патриотами новой нефтяной базы Союза, вот уже год не уступающей по добыче «черного золота» старому Апшеронскому полуострову.

Награжденный всеми орденами Союза, седой, как лунь, но все еще бодрый и подвижной, строитель Куйбышевского гидроузла возбужденно читал вслух только что полученную им телеграмму: «Сообщите съезду: сегодня в ночь опробованы насосные станции Заволжской оросительной системы. Механизмы работали безукоризненно».

Сибирский делегат обстоятельно разъяснял своему собеседнику все преимущества подземной газификации кузнецкого угля для снабжения газом городского хозяйства Томска.

За несколько минут до начала заседания Иван Артемьевич занял свое место.

Много раз видел он фотографии Дворца Советов, но только сейчас по-настоящему ощутил, как грандиозен его Большой зал.

Зал шумел, как морской прибой. Старые друзья обменивались веселыми приветствиями. Пневматическая почта принесла Герасимову записку от его друга из ложи Героев Советского Союза.

Точно в 7 часов вечера за столом президиума появился товарищ Сталин в окружении своих боевых соратников. Тысячи человек встали со своих мест, и гром аплодисментов потряс зал.

Из-за стола президиума поднялся одетый в скромную куртку человек, имя которого знает весь мир...

Товарищ Сталин начал свой доклад. Сидевший справа от Ивана Артемьевича гость – испанец, нагнувшись к ручке своего кресла, передвинул стрелку маленького циферблата на деление с надписью «испанский» и приложил к уху трубку радиотелефона.

В изолированных кабинах, скрытые от глаз делегатов, десятки опытных переводчиков мгновенно переводили и транслировали речь вождя. Слова товарища Сталина, родные и понятные всему трудящемуся человечеству, неслись над миром».

О том, что этот вип-объект может по каким-либо причинам не увидеть свет, в то время даже думать не могли.

* * *

Авторы технической документации предусмотрели многое. Автоматические двери на фотоэлементах, скоростные лифты. Одних только кабин механизированных гардеробов предполагалось тридцать тысяч. Была разработана даже уникальная система микроклимата. Журнал «Техника молодежи» сообщал в 1940 году: «Как часто еще люди уходят из театра усталыми, разбитыми, с головной болью только в результате недостаточной вентиляции зрительного зала.

Ничего подобного не должно быть во Дворце Советов. Посетитель Дворца Советов должен оставаться бодрым все часы пребывания в нем и оставлять Дворец, чувствуя себя отдохнувшим.

Все эти задачи решаются созданием в помещениях Дворца Советов «искусственного климата».

Одной из наиболее интересных проблем в этой области является вентиляция Большого зала Дворца Советов. Этот зал, рассчитанный почти на 22 тыс. мест, имеет объем около одного миллиона кубических метров. Круглый зал перекрыт куполом, наиболее высокая точка которого отстоит от пола на 100м. Среднюю часть зала занимает партер, а далее кольцами располагаются места амфитеатра.

Для проветривания зала такого большого объема ни одна из существующих схем вентиляции не оказалась пригодной. Обычные методы вентиляции зрительных залов «сверху – вниз» или «снизу – вверх», широко практикуемые у нас и за границей, не могут создать надлежащего «климата» во всех местах Большого зала.

Строители Дворца Советов обратились за помощью к ученым. В институте им. Обухова оборудована специальная опытная камера, в которой создаются различные режимы воздушной среды. В камере стоят кресла, в которых располагаются люди. Сотрудники института с помощью ряда приборов контролируют самочувствие людей при разной температуре и влажности воздуха. В результате этой экспериментальной работы, проводимой под руководством проф. А. А. Летавет, должны быть выяснены условия, при которых зрители Большого зала будут чувствовать себя лучше всего. Исследования еще не закончены, но уже можно считать установленным, что наиболее подходящей является температура воздуха в 20 – 21° и влажность, равная 50%. Скорость движения воздуха около лица человека должна составлять от 0,1 до 0,2 метра в секунду.

Однако одних лабораторных наблюдений над изолированными креслами еще недостаточно, чтобы судить об истинной картине движения воздуха в помещении большого объема. Амфитеатр Большого зала Дворца имеет значительный подъем. Достаточно указать, что последний его ряд возвышается над партером на 24 метра. Возникло опасение, что насыщенный углекислотой воздух из нижних рядов пойдет не прямо вверх, а будет перемещаться наклонно по амфитеатру. Тогда верхние ряды амфитеатра получат меньше кислорода, чем нижние».

В результате было спроектирована уникальная система вентиляции, которая, увы, по сей день не была нигде реализована: «Очищенный от пыли и других примесей, увлажненный или

осушенный, подогретый или охлажденный до необходимой температуры и получивший приятный запах воздух засасывается вентилятором и, пройдя звукоглушитель, по специальным воздухопроводам нагнетается в большое пространство под амфитеатром. Отсюда по сложной сети каналов он подается в Большой зал. Каналы проходят в спинках кресел, в которых устроены отверстия, закрытые решетками.

Каждый зритель имеет перед собой решетку, через которую ему подается воздух. Зритель может по своему усмотрению регулировать количество подаваемого воздуха передвигая ручку особого клапана. Воздух выходит из кресел под углом 51 градус к вертикали и обвеивает лицо зрителя слабым ветерком.

Затем воздух косыми потоками поднимается кверху и через отверстия в куполе отводится вытяжную шахту».

Огромное внимание уделялось освещению этого объекта: «По вечерам лучи прожекторов, вырвавшись из крыши Дворца Советов, зажгут благородную сталь памятника ярким серебристым блеском. И над Москвой, над Страной Советов, над миром в ослепительном свете засияет под облаками образ великого Ленина». Во Всесоюзном электротехническом институте устраивали специальные опыты над огромным макетом Дворца. Рождались любопытные идеи: «На фасад здания и на статую можно направить лучи мощных прожекторов, установленных на крышах ближайших высоких домов. Существенный недостаток этого способа заключается в том, что пучки света, хорошо видимые ночью, будут как бы „привязывать“ Дворец к земле. Но этого впечатления можно избежать, поставив на уступах Дворца Советов добавочные прожектора. Тогда здание окажется как бы в центре гигантского светового ореола».

Впрочем, рассматривались и другие варианты – в частности, освещение статуи Ленина изнутри и подсветка Дворца Советов из его собственных окон.

Поражал Большой зал Дворца. Пресса писала: «В этом зале будут происходить всесоюзные съезды и мировые конгрессы, массовые празднества, театральные спектакли и цирковые представления, выступления мощных хоровых ансамблей и оркестров, физкультурных коллективов и различных коллективов художественной самодеятельности.

Большой зал рассчитан почти на 22 тыс. человек. Он имеет форму круга и перекрыт высоким сводом. Размеры зала необычайно велики: его диаметр равен 140 метрам, высота составляет 100 метров, а общий объем достигает почти одного миллиона кубических метров. Такой объем имеет самое высокое здание мира – небоскреб Эмпайр-билдинг в Нью-Йорке. Таким образом, этот небоскреб по кубатуре целиком мог бы поместиться в одном лишь Большом зале Дворца Советов.

В середине зала находится арена диаметром в 20 метров. Она окружена широким поясом партера. Вокруг партера, возвышаясь друг над другом, расположены места амфитеатра. Позади него идет по кругу мощная колоннада, поддерживающая свод. За колоннадой тянется широкий кольцевой проспект, по которому свободно может прохаживаться публика во время антрактов и перерывов. В южной части зала особый сектор занимают места президиума.

Если в Большом зале происходит какой-либо съезд, то арена также заполняется креслами, и вся середина зала превращается в сплошной партер. И наоборот: весь партер можно, в случае необходимости, освободить от кресел; тогда получится громадная арена диаметром в 42 метра. Кроме того, для сценических надобностей используется сектор мест президиума, а также межколонные пространства, расположенные за амфитеатром. Эти пространства весьма значительны. Так, например, площадь между двумя колоннами равна большой сцене Московского Художественного академического театра. Она имеет в ширину 12 метров и в глубину – 7 метров.

Круглая форма зала не позволяет устроить обычную театральную сцену, позади которой находятся декорационные мастерские, артистические уборные и пр. Все это здесь расположено

внизу, под ареной, в так называемом трюме. Он занимает обширную площадь под Большим залом, и глубина его, считая от пола партера, достигает 14 метров.

Одним из наиболее примечательных сооружений, находящихся в трюме, является кольцевой конвейер. Он представляет собой большое кольцо, внутренний диаметр которого равен 57 метрам, а внешний – 77 метрам. Таким образом, ширина кольца составляет 20 метров. Весь конвейер опирается своими ходовыми колесами, идущими в четыре ряда, на круговой четырехрельсовый путь и может при помощи моторов вращаться и по часовой стрелке и в обратном направлении.

Под огромным сводом, вверху, возможен показ цирковых аттракционов, демонстрация работы краснофлотцев на реях и пр.».

Как известно, строительство было приостановлено с началом Великой Отечественной. Пастернак вспоминал: «Деревянная ограда площади, за которой кое-где стал подниматься металл будущего каркаса, временем и человеком была местами повреждена, и в щели можно было видеть эти большие черные поля, там, внизу, чаще всего покрытые большими озерами дождевых или грунтовых вод; эти воды стояли и цвели, обновлялись, заливали другие пространства; из них островками выставлялись наружу бетонные скалы опор, какие еще без железной надстройки, какие – особенно ближе к Кропоткинской площади – с начатками каркаса. От года к году это зрелище теряло остроту своей новизны и анекдотичности.

Не знаю, действительно ли в этих озерах стали водиться караси, как ходили слухи, но, видно, какую-то рыбешку кто-то и вылавливал!»

Такое вот фантазмагорическое окончание величайшего архитектурного проекта того времени.

* * *

По иронии судьбы на месте этих вод в 1960 году построили бассейн. Открытый. Под названием «Москва». Сразу же возникла поговорка: «Был храм, потом хлам, теперь срам». Верующие москвичи, конечно, осуждали желающих поплавать в этой теплой «луже» в самом центре города. Что их, разумеется, не останавливало. Бассейн имел успех. Поговаривали о существовании некой группы христианских мстителей и мстительниц, которые, якобы топили в бассейне людей. Но это все таки из области городских страшилок. Говорили также о вреде, который представляет пар для картин музея изобразительных искусств и редких книг Российской государственной (в то время – Ленинской) библиотеке – это ближе к истине.

И новые путеводители по городу, с тем же пафосом, с которым совсем недавно воспевали главную стройплощадку Москвы, принялись посвящать гимны новому социокультурному объекту: «Участок берега между Кропоткинской набережной, Волхонкой и Соймаоновским проездом занимает парк с открытым бассейном посередине. Это самый большой плавательный бассейн в Европе, вмещающий одновременно до двух тысяч человек. Объем воды в нем – 24 тысячи кубических метров. Вокруг бассейна – пляж, усеянный морской галькой. На плоских крышах павильонов – солярии».

Поэт Алексей Дидуров, которому довелось поработать в бассейне спасателем, вспоминал: «У бассейна „Москва“ был режим работы и жизни обратный режиму ресторанов и кафе: в них главное, престижное время от века и по днесь – вечера, а день – холостой: семейные, пенсионерные, ветеранские, трудовые – в обеденный перерыв на производстве и в конторах, – обеды по прозвищу „комплексные“, наспех сляпанная дешевка, а уж вечером – страда, вкалывание до пота на барыш и кураж. Бассейн же наоборот по вечерам запускал внутрь себя публику того сорта, что дневала в общепите, и становился (не из-за своего ли отношения к этому двуногому ширпотребу массовой категории?) похож, особенно в холода, на огромный чан в аду, паром дымящийся над плавающими головами, кажущимися сваренными из-за стандартных

розовых резиновых шапочек. А над ними по краям чана, – руки в боки, – дежурные по секторам, „дежи“ – чем не черти-смотрители. Жутковатое зрелище».

Да, сегодня и это – история.

Московский адрес парижской эскадрильи

Дом Цветкова (Пречистенская набережная, 29) построен в 1901 году по рисунку художника В. Васнецова.

Если пройти по Пречистенской набережной – от храма Спасителя, от новенького Патриаршего моста на юг, в сторону памятника Петру Первому, то слева, в череде домов заметишь маленький особнячок. Особнячок, удивительный для современного центра Москвы. Красный кирпич, всего два этажа, фасад – сказочный.

А связано он в первую очередь с событием вовсе не сказочным, даже не мирным. 5 апреля 1943 года произошло событие, сыгравшее большую роль в ходе второй мировой войны. В бой вступила эскадрилья «Нормандия», состоявшая из французских летчиков-патриотов.

На доме же висит доска с памятной надписью: «В память французских летчиков полка „Нормандия-Неман“, павших во время Второй Мировой войны, сражаясь бок о бок с воинами Советской Армии». И дальше – имена французских летчиков. На русском и французском языках.

Впрочем, и сам особнячок – один из интереснейших в Москве. Он был построен в 1901 году. Его фасад выполнили по рисунку художника Виктора Васнецова – автора известнейшей картины «Три богатыря». И принадлежал тот дом Ивану Евменьевичу Цветкову – чиновнику Земельного банка, нажившему миллионы на финансовых спекуляциях.

Тут размещалась картинная галерея Ивана Цветкова. Ее коньком были рисунки, гравюры и всяческие черновые наброски. Федотов, Маковский, Брюллов, Васнецов, Суриков, Репин, Поленов – сплошь фамилии лучших российских художников. Это собрание было вторым в первом престоле после Третьяковки. Сам Цветков признавался: «Только любовь к картинам своим и чужим, собирание картин составляют для меня высочайшее наслаждение и нравственное успокоение; здесь все мои душевные радости, которыми жива душа моя. Любовь к искусству есть страсть самая сильная и самая продолжительная из всех страстей, присущих человеческому сердцу».

И собиратель не лукавил.

Он любил «угощать» собственной галерей. Художник Минченков рассказывал: «Когда вы входили в вестибюль, навстречу появлялся сам Иван Евменьевич и ожидал вас на площадке лестницы, ведущей во второй этаж. На нем бархатный халат, вроде боярского, а на голове расшитая золотом тюрбетейка. Совсем Борис Годунов.

Вечером хозяин зажигал электрический свет в люстрах второго этажа, показывал гостю свою галерею и давал объяснения. У него была хорошая память, и он знал всю родословную каждого художника начиная с петровского времени. Знал – что называется – кто когда родился, крестился, женился и умер».

Присоединился и художник Переплетчиков: «Передняя сплошь завешана картинами русских художников. Их уже вешать некуда. Висят они и над вешалкой, и под окнами... В зале тоже картины, всюду и везде, в гостиной тоже. Горят лампы. Цветков одинокий, но благодаря картинам в квартире тепло и уютно. Чувствуется, что она согрета чем-то хорошим».

Москвичи цветковской галереей восторгались. Редко кто ее ругал. Но и такие находились. Например, художник Нестеров в одном из писем говорит о собирателе: «Он не профессор, а „извольте ли видеть“... тень Третьякова, его почитатель и подражатель, без третьяковского ума и инициативы.»

Но в следующих строчках позиция Нестерова объясняется довольно неожиданно: «Главное же, галерея тем нехороша, что в ней нет ни одного Нестерова и нет (по нелюбви к нему) никакой надежды, чтобы Нестеров туда попал».

В 1909 году Цветков передал свою коллекцию в собственность города. Он писал: «В течение последних 30 лет я усиленно собирал картины и рисунки русских художников и составил небольшую картинную галерею, помещенную в моем доме, на Пречистенской набережной, близ храма Христа Спасителя...

Я старался вводить в собрание наиболее крупных художников.

Я старался представить каждого из них наиболее характерными для них произведениями – так, чтобы собрание давало понятие о всей русской живописи, начиная с половины XVIII века до настоящего времени. Со времени составления перечня число предметов значительно увеличилось и простирается в настоящее время до 1500, в том числе около 300 картин масляными красками и около 1200 так называемых рисунков, сделанных на бумаге акварелью, сепией, карандашом и пером, на собрание которых я потратил особое мое внимание.

Желая обеспечить передачу моей галереи в общественное пользование, я решаюсь предложить Московской городской думе теперь, при моей жизни, принять от меня в дар городу Москве упомянутый мною дом со всеми находящимися в нем художественными предметами...»

И так далее.

Дар, разумеется, был принят и встречен восторженно. Жена художника И. Репина, писательница Нордман-Северова писала дарителю: «Вчера прочли в газетах о вашем волшебном даре городу Москве. Целый день говорили о вас и восхищались вашей идеей. Как это обаятельно – много, много лет жить идеей и наконец достичь алмазных, сверкающих вершин! Когда вспомнишь ваш прелестный дом, всю богатейшую сокровищницу русского искусства и вашу спокойную высокую фигуру – сейчас же почувствуешь всю ту железную силу воли, всю ту сосредоточенную, глубокую любовь, с которою вы идете по намеченному пути. Россия говорит вам свое спасибо, и я рада, что могу присоединить и свое имя русской гражданки к этой благодарности».

Сам Иван Евменьевич, кстати сказать, был личностью отнюдь не заурядной. Помимо коммерции и собирательства, он был видным по тем временам математиком. Того больше – Цветков написал диссертацию «Интегрирование линейных уравнений с постоянными коэффициентами». Но об этом обидчивый Нестеров мог просто не знать.

После революции цветковской галереи не стало. Ее национализировали, присоединили к «Третьяковке», а здание отдали французскому военному атташату. Именно поэтому на русском теремке появилась доска, посвященная французским летчикам.

Театр для своих

Дом Перцова (Соймоновский проезд, 1) построен в 1907 году по рисунку художника С. Малютина.

Такое уж тут сказочное место – вот уже второй дом, в качестве автора которого упоминается не архитектор, а художник. Конечно, у него есть архитектор, даже два – Б. Шнауберт и Н. Жуков, но они – скорее исполнители идеи знаменитого Малютина. Именно к нему обратился заказчик – инженер П. Перцов. И получил то, что хотел – древнерусский теремок, только большой.

Здесь, у Перцова проживали знаменитости – пианист К. Игумнов, актриса В. Холодная, а уже после революции – художники Куприн, Фальк, Альтман. А в 1908 году в здании разместилось известное для своего времени кабаре «Летучая мышь», на сцене которого проходили так называемые «капустники» – импровизированные выступления для своих – Московского художественного театра. По преданию, название родилось само собой – когда организаторы впервые спустились в подвальчик перцовского дома, навстречу им вылетела летучая мышь.

– А вот и название! – произнес главный организатор Никита Балиев. Так оно и пошло.

Это кабаре описывал Б. Зайцев в «Голубой звезде»: «Часов в десять вечера Машура подходила к большому красному дому, в затейливом стиле, на площади Христа Спасителя. Луна стояла невысоко. Белел в зеленой мгле Кремль; тянулась золотая цепь огней вдоль Москва-реки.

Машура поднялась на лифте, открыла дверь в какой-то коридор и в конце его поднялась по лесенке в следующий этаж. Вся эта область населялась одинокими художниками; жили тут три актрисы и француз. Лесенка вывела ее в большую студию, под самой крышей. Угол отводился для раздевания. Главная же комната, вся в свету, разделена суконной занавесью пополам. Машура скромно стала к стенке и осматривалась. Обстановка показалась непривычной: висели плакаты, замысловатые картины; по стенам – нечто вроде нар, на которых можно сидеть и лежать. Вместо рамы – рядка свежих гиацинтов...

Заиграла невидимая музыка, свет погас, и зеленоватые сукна над гиацинтами медленно раздвинулись. Первый номер была пастораль, дуэт босоножек. Одна изображала влюбленного пастушка, наигрывала, танцуя, на флейте, нежно кружила над отдыхавшей пастушкой; та просыпалась, начинались объяснения, стыдливости и томление, и в финале торжествующая любовь. Затем шел танец гномов, при красном свете».

Обыватель, разумеется, не понял бы в подобных экзерсисах ровным счетом ничего, однако же не на него они были рассчитаны. Истинные же любители театра готовы были отдать многое, чтобы попасть на вечера в дом на Москва-реке.

В подвале было тесно, но уютно. Стоял небольшой стол с напитками и закусками, но он особой популярностью не пользовался – сюда ходили не кутить, а наслаждаться искусством театра. Был у кабаре и гимн:

Кружась летучей мышью
Среди ночных огней,
Узор мы пестрый вышьем
На фоне тусклых дней.

Самым искрометным из участников был, разумеется, Балиев. Станиславский писал: «Его неистощимое веселье, находчивость, остроумие – и в самой сути, и в форме сценической подачи своих шуток, смелость, часто доходившая до дерзости, умение держать аудиторию

в своих руках, чувство меры, умение балансировать на границе дерзкого и веселого, оскорбительного и шуточного, умение вовремя остановиться и дать шутке совсем иное, добродушное направление, – все это делало из него интересную артистическую фигуру нового у нас жанра».

А нравы здесь, в общем-то, были простые. Артист Н. Монахов писал: «В течение «великопостного сезона» 1909 года со мной произошел в Москве знаменательный случай, который имел большое влияние на всю мою актерскую жизнь. Я получил приглашение на «исполнительное собрание» в «Летучую мышь». В то время «Летучая мышь» была еще учреждением почти «конспиративного» характера. По существу, это был клуб артистов Московского Художественного театра. Помещался он в особо арендованном помещении в подвале дома Перцова, против бывшего храма Христа-спасителя.

Подвал был обставлен скромно, но уютно. Скромная буфетная стойка с простыми, вкусными домашними закусками. Маленькая сцена, на которой артисты Художественного театра изошрялись в показе различных «самодеятельных» номеров. Руководил этими «кабаретными» развлечениями артист Художественного театра Н. Ф. Балиев, впоследствии директор театра «Летучая мышь».

Я не решался пойти на загадочное для меня «исполнительное собрание», потому что не знал, что это за штука. К тому же и приглашение в «Летучую мышь» получил из всех моих товарищей только я один. Но, поговорив с одним москвичом, я узнал, что передо мною открываются двери чего-то в высшей степени заветного, куда многие тщетно стремятся попасть. Заинтересованный, я отправился в назначенный день в «Летучую мышь»...

То «исполнительное собрание», на которое я был приглашен в посту 1909 года, было посвящено двадцатипятилетию сценической деятельности А. Л. Вишневого. Меня приняли необыкновенно радушно и сердечно, приняли так, как будто я всегда был в их обществе. Я перезнакомился со всем Художественным театром, начиная от К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко и кончая молодыми сотрудниками театра. Все они отнеслись ко мне как к «своему». Меня и страшно радовало и смущало, что я оказался в числе избранных.

Ужин был организован таким образом: каждый подходил к стойке, брал, что ему хотелось, расплачивался (цены были на всех блюдах) и сам себе прислуживал. Прислуги не было.

После того как все закусили, началась церемония шуточных приветствий юбиляру. Милейшего Александра Леонидовича приветствовали от таганрогской городской думы и от таганрогской гимназии, в которой-де учились такие великие люди, как юбиляр и А. П. Чехов. В последнем приветствии (делегата изображал талантливый актер Малого театра В. Ф. Лебедев) проводились смешные параллели между «вышеупомянутыми» учениками и много других остроумных, невиданных мною вещей.

Затем началось кабаре. В кабаре я впервые увидел великого Станиславского, который показывал на сцене фокусы. Я не помню уже подробностей, но все в этом кабаре производило на меня впечатление первоклассного. Выходили артисты, исполняли шуточные монологи, пели песенки. Мне не хотелось отставать от других, тем более что стоявший на просцениуме Балиев говорил всем, кто пел или пытался петь: «Подтянитесь, пожалуйста, потому что здесь сидит Н. Ф. Монахов, который тоже очень хочет выступить, но пока еще не решается».

С особой готовностью ответил я на такую милую провокацию своим выступлением, которое имело громадный успех у этой замечательной аудитории.

* * *

После революции богемная жизнь дома постепенно угасала. Поэт Дон Аминадо писал: «В доме Перцова, у Храма Христа Спасителя, какие-то последние римляне будут читать друг другу какие-то последние стихи, допивать чай вприкуску, не в пример Петронию, и кто-то вспомнит пророчество Достоевского, что «все начнется с буквы ять», которую росчерком пера отменил профессор Мануйлов.

Появится приехавший из Петербурга А. И. Куприн, в сопровождении своего неизменного Санхо-Панчо, алкоголика и поводыря, Маныча.

На столе появится реквизированная водка, и нездоровой, внезапной и надрывной веселостью оживится вечерняя беседа.

Куприн скажет, что большевизм надо вырвать с корнем, пока еще не поздно...

На тихий и почтительный вопрос Койранского: «А, как именно, дорогой Александр Иванович, вы это мыслите и понимаете?» – Александр Иванович, слегка охмелев и размякнув, вместо ответа процитирует Гумилева, которого он обожает:

Или бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыплется золото с кружев
Драгоценных брабантских манжет...

– Чувствуете вы, как это сказано? – «Из-за пояса рвет пистолет!..» продолжает смаковать и восторгаться Куприн.

Четырехугольный Маныч предлагает выпить за талант Гумилева, и хриплым голосом затягивает «Аллаверды»».

К тому времени Балиев пытался длить существование «Летучей мыши» за границей. Увы, кабаре там успехом не пользовалось.

* * *

От Соймоновского переулка на юго-запад отходит Третий Обыденский переулок. Его главное украшение – церковь Ильи Обыденного. Славится она тем, что не закрывалась во время советской власти, всегда была действующей.

Принято считать, что первый храм на этом месте построен был при Василии Третьем по данному в честь какого-то события обету. То есть, обещанию, данному Богу – в случае благоприятного решения какого-либо дела поставить храм, притом поставить «об один день» (отсюда и название – «обыденка»). В качестве такого дела фигурировали, в основном, избавления от тяжелых болезней, а также эпидемий и стихийных бедствий. Но были для обыденок и другие поводы.

Первая каменная церковь появилась здесь в 1706 году. Ее выстроили на средства думного дьяка Гавриила Деревнина по проекту неизвестного архитектора, но в популярной форме «восьмерик на четверике». В 1819 году по проекту архитектора Ф. Соколова построили трапезную, а в 1868 году, по проекту А. Каминского – колокольню.

Гоголевский бульвар

Бульвар интеллигентных хулиганов

Гоголевский бульвар был разбит после войны 1812 года.

Гоголевский бульвар (до 1924 года – Пречистенский) назван так не в честь писателя Николая Васильевича Гоголя (он не имел к этому месту никакого отношения), а благодаря памятнику Гоголя, который был здесь установлен в 1908 году, а сегодня красуется во дворе дома на соседнем, Никитском бульваре. В том доме Гоголь жил, и памятник поставили не столько на бульваре, сколько на соседней Арбатской площади. Но так как он замкнул собой не Никитский, а именно Пречистенский бульвар, то именно последний был и переименован. Такая вот топономическая коллизия.

Поэт и философ Сергей Соловьев вспоминал: «Я решил образовать шайку разбойников на Пречистенском бульваре, куда ходил в сопровождении няни Тани. Она предоставляла мне полную свободу, усаживалась болтать с какой-нибудь нянькой на скамейке, а я рыскал по бульвару. Сначала дело шло плохо. Я пробовал приглашать в шайку всех встречных мальчиков, без различия возраста и костюма, но они по большей части уклонялись. Удалось все-таки уговорить двух-трех явиться на следующий день к двум часам с каким-нибудь оружием. В назначенный час я был на месте, но бульвар казался пуст. Я ходил в тоске, думая, что дело не выгорело... Но вот показался мальчик с ружьем, второй и третий... И вдруг посыпали со всех сторон: мальчики в синих матросках с ружьями и саблями, оборванцы с луками и стрелами, одним словом, все герои «Илиады». Почтенного вида, изящно одетый седой господин подошел к нам, держа за плечо маленького внука. Он деловито справился, где главнокомандующий, и с серьезным видом поручил мне мальчика. О, высокая минута! Мы составили шайку человек в десять. Войско есть, нужны враги и добыча. С каждым днем к нам приставали новые и новые солдаты. Наконец мы закрыли прием и объявили, что начнем теперь войну со всеми мальчиками, не принадлежащими к нашей шайке.

Началось сплошное безобразие. Несколько мальчиков я назначил генералами. Два брата-близнеца, сыновья доктора Ц., были поставлены во главе войска. Я воспылил к ним романтической привязанностью, помня о дружбе Патрокла с Ахиллом. Оба они были очень некрасивы, рыжеваты, одного роста и похожи друг на друга; один, Егор, – довольно тихий, другой, Алеша, – горячий и страстный. Своим Патроклом я считал Егора. Любил я еще одного бедного мальчика, который торговал на Арбатской площади пакетами и был вооружен самодельным луком. Не довольствуясь нападением на мальчишек, мы стали нападать на всех взрослых гимназистов первой гимназии. Сидит гимназист на лавочке – мы подбегаем, дразним, изводим. Вспоминаю, что эти гимназисты относились к нам с большим терпением и благодушием: ведь каждый из них легко мог «уничтожить» все наше войско. У меня явилась мысль привлечь на нашу сторону дядю Владимира Федоровича Марконета. Он был учителем первой гимназии и обыкновенно в четвертом часу проплывал по бульвару в своей крылатке, весело шутя с каким-нибудь учителем. Когда нам случалось довести гимназиста до бешенства и он уже готов был с нами расправиться, я грозил ему дядей Марксистом. Оба дяди Марконеты были в восторге от побоищ на Пречистенском бульваре, и Владимир Федорович уверял меня, что он на моей стороне против своих учеников и делает им за уроком строгие внушения. Дело у нас процветало около месяца. Чем же все кончилось? Чем обыкновенно кончаются подобные истории. Два хорошо одетых мальчика играли около кучи песку, при них находился преданный им оборванец. Я приказал немедленно уничтожить это скопище. Несколько солдат без труда

атаковали и взяли в плен эту компанию, а так как оборванец пробовал защищать нарядных мальчиков, я велел его расстрелять под деревьями. В него палили песком из ружей, и песок безжалостно сыпался в его лохмотья. Генералы издевались над этими лохмотьями, отчего меня несколько коробило. Но расстрелянный оборванец стал в воинственную позу и закричал на меня: «Подойди-ка, подойди-ка ко мне». Я немедленно подошел и... когда я открыл глаза, не было ни оборванца, ни его нарядных товарищей. Генералы вели меня к скамейке, а на лбу у меня быстро вспухала огромная красная шишка. На этот день все боевые затеи были кончены».

Владислав же Ходасевич начинал свое эссе, посвященное писателю Андрею Белому со слов: «Меня еще и на свете не было, когда в Москве, на Пречистенском бульваре, с гувернанткой и песиком, стал являться необыкновенно хорошенький мальчик – Боря Бугаев, сын профессора математики, известного Европе учеными трудами, московским студентам – феноменальной рассеянностью и анекдотическими чудачествами, а первоклассникам – гимназистам – учебником арифметики, по которому я и сам учился впоследствии. Золотые кудри падали мальчику на плечи, а глаза у него были синие. Золотой палочкой по золотой дорожке катил он золотой обруч. Так вечность, „дита играющее“, катит золотой круг солнца. С образом солнца связан младенческий образ Белого».

А сам Андрей Белый писал в автобиографической повести «Котик Летаев»: «Каждый день мы идем: на Пречистенский бульвар погулять (на Смоленский бульвар мы не ходим: там дурно воспитаны дети); кто-нибудь ходит там; и вдруг сядет на лавочку; на меня поглядит; и – значительно посылает улыбки; все они улыбаются мне; все они уже знают, что Котик Летаев гуляет; хлопает крыльями чернокрылый каркун, и вислоухая шуба сутулится в снеге; спегосынное дерево вздрогнуло; а уж кто-нибудь, вставши – - медленно уходит туда: в крылоногие ветерки; обернется, кивает...

А уже набежали на нас: крылоногие ветерки; веют белые вей на разгасившихся щечках; дымит куча снега; песик к ней подбежал и над нею он поднял: мохнатую ногу; я бросаюсь к лимонному пятнышку, но Раиса Ивановна – «пфуй»!

Ах, как жалко!

Безрукая шуба щетинится комом древнего меха в снега; и хлопает в воздухе крыльями; я бросаюсь на шубу; обхватить ее ручками; она нагибается низко, и из шершавого меха, под шапкой, уставятся: два очка; и белая борода прожелтится усами; шуба – гуляет, как я; и она называется: Федор Иваныч Буслаев; и Федор Иваныч зашамкает – птичка ему рассказала, что Котик Летаев сегодня гуляет; и он Котику принес на бульвар кое-что: и дрожащей рукой меня треплет по разгасившимся щечкам; и кусочек рябиновой пастилы осторожно просунет мне в ротик, кивая очкастою головой; Федор Иваныч Буслаев гуляет, не на ногах, а... на шубе (живет в своей шубе), а шуба проходит: чернокрылые каркуны сквозь суки пропорхнул» ей вслед.

Рассыпаются снеговые вьюны; рассыпаются неосыпные свисты; пахнет трубами в воздухе; золотую ниточкой фонарей многоочитое время уже побежало по улицам: предвечерним дозором; все на небе расколото; кто-то блистает: оттуда, из-за багровых расколов; желтеет, мрачнеет; и – переходит во тьму.

Мы – домой».

А малоизвестный, однако, прекрасный писатель Сигизмунд Кржижановский писал в одном из московских посланий: «Дело было перед вечером. Я сидел за бронзовой спиной Гоголя на одной из первых скамей Пречистенского бульвара. Дочитав белый томик Арошева, я поднял глаза: прямо против меня на песке бульвара играла крохотная девочка. Рядом с девочкой, черная и разлапистая, лежала тень от дерева: ползая пухлыми коленками по земле, девочка – не карандашом, нет, куском тупого деревянного тычка пыталась обвести черную кляксу тени. Но к вечеру тень ползает быстро, и не успевала девочка обвести черту от одного

ее края до другого, как тень выползала уже дальше, за обвод, тщательно вчерченный в песок. Нянька давно уже тянула ребенка за руку, говоря, что пора кончать. Но и девочка, и, признаюсь уж, я тоже, мы оба так увлеклись, она – ловлей теней, я – своим наблюдательским, почти читательским занятием, что, когда наконец и ребенок и нянька ушли, я испытал даже некоторое чувство досады».

Этот бульвар вошел в литературу. Андрей Соболев писал в повести «Человек за бортом»: «Под маленьким, тоненьким сетчатым дождиком мокнет Арбат. Сито мелкое протянулось над всеми переулками его, в начале Пречистенского бульвара. Еще ниже пригнулся Николай Васильевич, и на кончике носа крючковатого все висит да висит капелька: одна упадет – другая набежит».

Вошло в литературу и его гипотетическое будущее. Этот утопический бульвар описывал Кир Булычев в романе «Сто лет тому вперед»: «Бульвар сильно изменился за прошедшие годы. Во-первых, он стал втрое, если не впятеро шире, так что, если идешь посередине, краев не видно. Во-вторых, деревья и вообще растения изменились. Правда, осталось несколько старых деревьев, лип и кленов, но между ними росли цветущие яблони, груши и даже пальмы. Когда Коля подошел поближе, он обнаружил, что некоторые из деревьев, видно самые нежные, были окутаны тонким прозрачным пластиком, а вокруг других стояла стенка теплого воздуха. Воздух поднимался из решеток, спрятанных в молодой траве. Рядом с дорожкой стояло странное дерево – будто лопух или, вернее, щавель, увеличенный в тысячу раз. Между листьями висела гроздь зеленых бананов. А на земле рядом с деревом сидела мартышка и чистила сорванный банан.

При виде такого тропического зрелища, Коля вспомнил, что он голодный. Кроме стакана кефира и бутерброда с чаем, он ничего с утра не ел. Кроме того, он любил бананы. И он подумал: если обезьяне можно питаться плодами на Гоголевском бульваре, то человеку это тем более не запрещено.

На всякий случай Коля осмотрелся, но никого не увидел. Он подошел к банановому дереву и сказал мартышке:

– Отойди, а то укусишь.

Мартышка оскалилась, но отошла и снова принялась чистить банан.

Коля встал на цыпочки и начал отрывать банан от грозди. Банан отрывался с трудом, все дерево раскачивалось. Еле-еле Коля отодрал один плод от грозди и только хотел сесть рядом с мартышкой и очистить его, как из кустов вышел здоровый парень постарше Коли, в красных трусах, на которых были нашиты кометы, и сказал:

– Дурак! Что ты делаешь?

Если бы это был взрослый, то Коля, наверно, извинился, но перед парнем Коля извиняться не хотел.

– А что? – сказал он. – Обезьянам можно, а мне нельзя?

– Он же незрелый. И вообще кормовой, для скота выведен».

Досталось в том романе и Арбатской площади, которой тот бульвар заканчивается: «Было почти двенадцать, когда Коля дошел до памятника Гоголю. Правда, памятник был не тот, что раньше стоял на этом месте. Памятник в конце Гоголевского бульвара был старый, который раньше стоял на другом конце площади. Отец говорил как-то Коле, что Арбатская площадь – единственное место в мире, где есть две статуи одному и тому же писателю: одна на бульваре, другая у дома, где Гоголь жил. Видно, за сто лет они поменялись местами, решил Коля.

Перед памятником была Арбатская площадь, только Коля ее бы никогда не узнал. Даже вместо ресторана «Прага» – колоссальный параллелепипед из бетона, а не из коралла. Наверно, его построили довольно давно. За ним виднелись верхушки небоскребов на проспекте Калинина. Это было знакомо. А справа из-за пальмовой рощи выглядывал пышный дом, весь

в ракушках. Но он был не коралловый, просто старый, такая когда-то была мода, и построил его себе прогрессивный богач Морозов еще до революции.

Автобус Коля увидел сразу. Посреди площади, выложенной разноцветными плитками, было возвышение. Около него как раз стояло три автобуса. Коля догадался, что это автобусы, так как над каждым висел ни к чему не прикрепленный шар с надписью: «Автобус 1», «Автобус 2», «Автобус 3».

Все три автобуса только что подъехали. Из них выходили пассажиры, а другие входили. Некоторые поднимались из-под земли, наверно из метро, другие подлетали на крыльях и складывали их, подходя к двери, третьи вылезали из пузырей, и пустые пузыри сами отлетали прочь, уступая место новым».

Писал о бульваре Аксенов – в книге «Московская сага»: «К осени 1943 года в Москве стали сбивать доски с памятников: линия фронта отдалилась на безопасное расстояние. Печальный гоголевский нос вновь повис над бывшим Пречистенским бульваром. В данный военный момент ему ничего ни с неба, ни с земли не угрожало. Так и простоит монумент в полной безопасности до 1951 года, пока Сталин вдруг не фыркнет с отвращением в его адрес: «Что за противный антисоветский нос у этого писателя!» – после чего его немедленно сволокут с пьедестала и упрячут в кутузку, где его нос пропылится в постоянных мечтах о побеге и в муках раскаяния до пятидесяти девятого, то есть до времени возрождения. Вынутый же из кутузки, реабилитированный памятник с удивлением вдруг обнаружит, что его место занято плечистой, чрезвычайно мужественной фигурой, то есть воплощенной мечтой своей юности, тем самым Носом, что так самоуверенно разгуливал по Невскому проспекту 1839 года в короткие дни своего бегства.

Пока что обыватели Гоголевского бульвара с восторгом увидели вылезшего из досок своего любимого мизантропа и возобновили свои привычные вокруг него прогулки и сидения у пьедестала. С неменьшим удовольствием останавливались здесь и проезжие».

Упоминал бульвар Иван Стаднюк (повесть «Война»): «Осенний деревьями Гоголевский бульвар томился в солнечном жару июньского дня. Генерал Чумаков, выйдя за могучую стену, отделявшую строгий комплекс зданий Наркомата обороны от бульвара, покосился на манящую тень за решетчатой оградой и вытер вспотевший затылок. Хотелось немного посидеть на бульваре, собраться с мыслями. Пошел вверх, к Арбатской площади, то и дело отвечая на приветствия военных, подождал, пока прогрохотал мимо трамвай, и повернул к памятнику Гоголю; великий писатель в глубокой скорби размышлял над всем, что постиг и чего не постиг в суетности отшумевшей для него жизни.

Присел на крайнюю скамейку, затененную наполовину, снял фуражку и закурил...

Даже в тени бульвара было душно. Рядом на скамейке, смахнув с нее соломенной шляпой невидимую пыль, уселся розовощекий старик с газетой в руках. Федор Ксенофонович заметил, как старик, разглаживая белые усы, косит на него любопытствующий взгляд, и понял, что тот сейчас попытается затеять разговор. А генералу было не до разговоров».

Михаил Булгаков вспоминал о том, как, за неимением жилья в столице, ночевал здесь под открытым небом: «На шестую ночь я пошел ночевать на Пречистенский бульвар. Он очень красив, этот бульвар, в ноябре месяце, но ночевать на нем нельзя больше одной ночи в это время. Каждый, кто желает, может в этом убедиться. Ранним утром, лишь только небо над громадными куполами побледнело, я взял чемоданчик, покрывшийся серебряным инеем, и отправился на Брянский вокзал».

Поэт же Эдуард Асадов посвятил бульвару повесть, которая, собственно, так и называется – «Гоголевский бульвар».

Здесь по традиции сражаются московские шахматисты, а с недавних пор Гоголевский бульвар украшает памятник Шолохову работы скульптора Иулиана и Александра Рукавишних.

ковых. Москвичи дали ему кличку «Дед Мазай и зайцы» – автор «Тихого Дона» вылеплен сидящим в лодке прямо посреди бульвара. Правда, вместо зайцев – морды лошадей.

Кстати, этот бульвар – трехэтажный. Первый этаж – его внешняя проезжая часть, второй – середина бульвара, а третий – внутренняя проезжая часть. Ничего не поделаешь, таков здешний рельеф.

Гимназию – в массы

Здание Первой московской казенной гимназии (Волхонка, 18) построено в конце XVIII века.

Первая гимназия находится на пересечении улицы Волхонки и Гоголевского бульвара. Не удивительно, что мы уже о ней рассказывали – в книге «Прогулки по старой Москве. Пре-чистенка». Здесь же попробуем восполнить те пробелы и лакуны, которые позволили себе, работая над упомянутым томом, ибо ни тогда, ни сегодня невозможно объять необъятное.

А личности здесь попадались нешуточные. К примеру, знаменитый доктор Снегирев, вошедший в историю как основоположник русской гинекологии. Он тут учился, да недо-учился – был отчислен в Штурманское училище. Но любовь к наукам все же взяла верх – вскоре будущее светило медицины поступило в Московский университет.

Обучался здесь и знаменитый Умов, внесший достойный вклад в исследования движе-ния энергии. И великий русский драматург А. Н. Островский – он ходил сюда пешком из сво-его любимого Замоскворечья. Ходил без удовольствия – описал впоследствии свои ощущения в зарисовке «Биография Яши»: " Здесь предстали ему науки в той дикой педантической методе, которая пугает свежий ум, в том мертвом и холодном образе, который отталкивает молодое сердце, открытое для всего живого. Душа юношеская открыта, как благоухающая чашечка цветка, она ждет, она жаждет оплодотворения, а кругом ее сухая атмосфера капризной, бес-толковой схоластики; душа, как цветок, ждет влаги небесной, чтобы жить и благоухать, а схо-ластик норовит оторвать ее от питающего стебля и высушить искусственно между листьями фолианта.

В юношеские года впечатления очень сильны и часто на всю жизнь оставляют следы на душе, а как болезненно и тяжело впечатление науки. После неприятной встречи с нау-кою в молодости человек едва ли захочет встретиться с ней в другой раз. Обыкновенно бой-кие дети более всего привязываются к математике, это говорит не столько в пользу матема-тики, сколько в пользу ее преподавания, потому что сущность математики допускает менее схоластики и наука сама себе и форма и содержание. И Яша пристрастился к математике. Но у них в заведении был странный спор между словесностью и математикой; учитель словес-ности с учителем математики были враги и наперерыв старались доказывать: один вред мате-матики, а другой вред словесности. Ученики также разделялись на две партии. Для тех, кото-рые были потупее и попрележнее, легче было учить наизусть риторику, чем алгебру, а для тех, которые были подаровитее и поленивее, легче было смекнуть умом, чем учить наизусть то, чего никаким умом не смекнешь и не оправдаешь. У одних девизом было Кошанский и риторика, а у других Франкер и алгебра. Одни преследовали других беспрестанно. И даже сочинены были стихи на этот случай, в которых описан спор поэта с математиком. Эти стихи оканчива-лись так: Схватил сын Феба за пучок Глупца, количеством венчанна, И, дав ему один толчок, Поверг на землю бездыханна, – чем и доказывалось окончательно преимущество словесности. Был еще в заведении спор между старыми языками и новыми. Учителя старых языков, посе-девшие над грамматиками и хрестоматиями, косо смотрели на молодых иностранцев; а немцы и французики, не знавшие ничего, кроме своего языка, говорили, что и не надобно ничему учиться, стоит только выучиться по-французски или по-немецки, что для жизни нынче ничего не спрашивают, ни латинского, ни греческого, а знай по-французски, так будешь принят в луч-шие Дома в Москве. Ко всему этому начальник заведения был человек жестокий и подозри-тельный. Чудный был у него характер, на всякого мальчика он смотрел подозрительно. Бойкие и шалуны меньше занимали его, и он был с ними гораздо ласковее, напротив, тихие и робкие,

особенно из первых учеников, очень беспокоили его, он следил за каждым их шагом, за каждым движением. И как он был рад, когда поймает, бывало, их в какой-нибудь шалости».

Обучался в гимназии и писатель Слепцов, разночинец. Здесь же учился и участвовал в любительских спектаклях блистательный актер Музиль. А рисование в той гимназии преподавал Я. Аргунов – из знаменитой династии крепостных художников.

Учился тут и публицист Иван Прыжов. Писал о гимназических годах: «Болезненный, страшный заика, забитый, загнанный, чуждый малейшего развития... Я был отдан в гимназию, поистине лбом прошиб себе дорогу и в 1848 году кончил курс одним из первых с правом поступления в университет без экзамена».

А поэт Волошин, будучи простым учеником, писал здесь свои знаменитые «Гимназические дневники»: «Написал оду на Сабанина, которая разошлась сейчас по классу. Сабанин злится, а я очень рад. Не все же ему к другим приставать, попробуй-ка на себе».

Гимназия не нравилась ему: «Тоска и отвращение ко всему, что в гимназии и от гимназии. Мечтаю о юге и молюсь о том, чтобы стать поэтом. То и д. кажется невысказанным. Но вскоре начинаю писать скверные стихи, и судьба неожиданно приводит меня в Коктебель».

У директора же М. А. Окулова, здесь же проживавшего, нередко бывал Пушкин.

А впрочем, гимназическая жизнь держалась не на знаменитостях, а на простых трудягах, неизвестных обывателях. Вот, например, Григорий Васильевич Скворцов, описанный И. Эренбургом: «Должность занимал он не высокую, но почтенную, уважения всяческого достойную, а именно с 96-го, то есть двадцать один год подряд состоял надзирателем в первой гимназии, сначала именуясь „педелем“, а потом, в свете преобразующем реформ, „помощником классного наставника“. Ведал Григорий Васильевич нижним коридором, пятиклассников не касаясь, следил, чтоб „кое-где“ не курили, и зря во время уроков латыни не засиживались, будто холерой заболел, чтоб на переменках не дрались пряжками, не жали масло, с ранцами ходили, а не по моде фатовской тетрадку за пазухой, гербов не выламывали, след заметая, чтобы средства для рощения усов второгодники-камчадалы покупали тихонько, словом, чтобы порядок, достойный гимназии классической, первой, в чьих стенах столетних, не кто-нибудь, а министр покойный Боголепов воспитывался и на золотую доску занесен».

То есть, как можно заключить из описания, все это в гимназии проделывалось.

Правда, со временем все сильно изменилось: «Стоял, разумеется, супротив храма Христа Спасителя, дом почтенный с колонками, и приходили туда люди, то есть учителя удрученные, не ступая по коридорам важно с журналами, но будто телега на трех колесах подпрыгивая, останавливаясь, всяческих пакостей ожидая, ну и обормоты, банды без гербов, с советами, обезьянства ради».

Вовсю пахло революцией.

Станция великого анархиста

Станция метро «Кропоткинская» (Гоголевский бульвар) построена в 1935 году по проекту архитектора А. Душкина. Автор наземного павильона С. Кравец.

Некогда на этом месте стоял храм Сошествия Святого Духа у Пречистенских ворот (альтернативное название – Покрова на Грязех. Первое упоминание о нем относится к 1493 году и связано с очередным великим московским пожаром (каковых, как известно, было множество).

Краевед П. В. Сытин писал: «В XVIII в. перед крепостной стеной находилось неширокая площадь, заливаемая весной и в большие дожди ручьем Черторыем. На ней только у самых Пречистенских ворот стояла церковь Сошествия Св. Духа, она же Покрова на Грязех, снесенная в 1920-х гг. при перестройке Гоголевского бульвара».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.